Терракоты в погребально-поминальной обрядности (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато)

Зоя В. Ханутина

Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург, Россия, zoe_gmir@inbox.ru

Владимир А. Хршановский

Институт археологии РАН, Москва, Россия, vax48@mail.ru

Аннотация. В статье, написанной по материалам археологических раскопок некрополей римского времени на Илуратском плато (Восточный Крым), предпринимается попытка уточнить семантику терракот, найденных в погребальных и поминальных комплексах. Авторский подход к материалу позволяет выявить значение терракотовых фигурок как медиаторов-посредников в обрядах, связанных с переходом/перемещением из одного мира в другой, и одновременно получить более полное представление о Высшем женском божестве, вера в которое, как доказывает привлеченный материал, сохранялась у населения Боспорского царства в первые века нашей эры.

Ключевые слова: Боспорское царство, Илуратское плато, некрополи, погребально-поминальные обряды, терракоты, Верховное женское божество, мифоритуальное сознание, семантика

Для цитирования: Ханутина З.В., Хршановский В.А. Терракоты в погребально-поминальной обрядности (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 1. С. 46–58

[©] Ханутина З.В., Хршановский В.А., 2019

Terracotta figurines in burial and memorial rites (based on the materials of necropoleis excavations on the Ilouraton Plateau)

Zova V. Khanutina

The State Museum of the History of Religion, Saint-Petersburg, Russia, zoe_gmir@inbox.ru

Vladimir A. Khrshanovskii

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vax48@mail.ru

Abstract: The article is based on archaeological materials excavated from the Roman necropoleis at the Ilouraton Plateau (Eastern Crimea). The author attempts to specify the semantics of terracotta figurines discovered in burial and memorial complexes. His approach clarifies their significance as mediators or agents in rituals connected with crossing, or being moved across, the boundary between the world of living human beings, and the Underworld. At one and the same time, the items under consideration give us a wider conception of the highest female deity, which, as we know from previously studied material, the inhabitants of the Bosphorus continued to worship during the early centuries of the Christian era.

Keywords: Bosphorus Kingdom, Ilouraton Plateau, necropoleis, burial and memorial rituals, terracotta, highest female deity, mytho-ritual frame of mind, semantics

For citation: Khanutina ZV., Khrshanovskii VA. Terracotta figurines in burial and memorial rites (based on the materials of necropoleis excavations on the Ilouraton Plateau). RSUH / RGGU.Bulletin. "Literary criticism. Linguistics. Cultural Studies" Series. 2019;1:46-58

Введение

В ходе многолетних археологических исследований на Илуратском плато были открыты, исследованы и доследованы после грабителей более 230 погребальных и поминальных комплексов, локализующихся на трех участках: скальном могильнике, расположенном к югу от городища Илурата; скально-грунтовом — к западу и юго-западу от первого; грунтовом могильнике — на противоположной северо-восточной части плато. Помимо керамических и стеклянных сосудов, бусин, оружия, предметов и украшений из металла, кости, известняка, в основном датирующихся І–ІІІ вв. н. э., было найдено более двух десятков изделий коропластов. Большинство из них уже были опубликованы и атрибутированы [1 с. 18–20; 2 с. 255–257; 3 с. 142–145; 4 с. 139–141; 5 с. 219–228]: определены

время и место изготовления, принадлежность к той или иной художественно-культурной традиции, приведены аналогии. Однако при таком подходе вне поля зрения оставался один из важнейших аспектов бытия древней вещи - ее значение и назначение в проведенном некогда ритуале и вытекающая из этого исследовательская задача: «...уяснить сущность знаковых функций, которыми древняя вещь обладала в самой создавшей ее культуре, а также наметить способы их постижения» [6 с. 209, 210]. В данной статье предпринимается попытка семантического анализа найденных терракотовых изделий и их наиболее выразительных фрагментов. При таком подходе оказывается важным не столько описание найденной терракоты, сколько археологический контекст. Ведь в отличие от вещи, найденной просто в культурном слое города или поселения, где она могла оказаться случайно, на некрополь найденная там вещь была специально принесена и преднамеренно использована в погребально-поминальных церемониях [6 с. 216, примеч. 8]. Именно это наделяет вещи, помещенные в погребально-поминальное поле, особой «закодированной» в них информацией, представляющей исключительный интерес для проникновения в принципы мировосприятия носителей данной культуры.

На некрополях Илуратского плато терракотовые статуэтки и их фрагменты встречались в погребальных сооружениях (могилы, камеры склепов), в дромосах склепов и на специально организованных ритуальных площадках. Для того чтобы выяснить, различалась ли их знаковая функция, необходимо было сравнить терракоты, найденные в разных комплексах.

* * *

На южном скальном участке некрополя в вырубном склепе № 24, использовавшемся неоднократно на протяжении конца I — рубежа III—IV вв. н. э., среди погребального инвентаря была найдена целая терракотовая статуэтка, изображающая всадника, замахивающегося копьем (рис.1,1). Подобные статуэтки, датирующиеся I—II вв. н. э., хорошо известны в коропластике Боспора [7 с. 35 № 205. Табл. 46,4; 8 с. 53. Табл. 63,7; 9 с. 93—95; 10 с. 114. Табл. 54,7; 11 с. 179,4].

Генезис этого образа достаточно сложен, а его значение в боспорской погребально-поминальной обрядности со временем менялось и складывалось из многих составляющих. В древнегреческой погребальной традиции изображение всадника являлось отражением культа обожествления или героизации умершего и было связано с его путешествием в загробный мир [12 с. 76]. Когда на Боспоре угасают классические античные традиции, образ всадника на коне

оказывается близок номадам-кочевникам и продолжает вдохновлять скульпторов и коропластов. Изображения конного бога-героя перед верховной богиней встречаются и на ранних (IV в. до н. э.) синдских и скифских памятниках [13 с. 111–115; 7 с. 36. № 225–228. Табл. 50, 2-4], и на более поздних боспорских надгробных рельефах I–II вв. н. э. [14 с. 112–120, 122. Кат. 43-54]. В большинстве случаев всадники изображаются в спокойной иератичной позе, но на некоторых надгробиях они запечатлены в динамике [14 с. 122. Кат. № 50.54].

Терракотовые статуэтки скачущих всадников тоже получают широкое распространение на рубеже эр и в первые века нашей эры. Исследователи связывают это с нарастающей сарматизацией Боспора, постепенным уменьшением доли античных сюжетов в искусстве боспорской коропластики, при сохранении и развитии типов, близких вкусам и религиозным представлениям новой волны «варварских» индоиранских кочевых народов [10 с. 177–182]. Возможно, в их восприятии такие терракоты обретают и новый солярный смысл. Однако это не исключает глубинной общности семантики статичных хтонических греческих и скифских всадников и галопирующих всадников сарматской ипостаси и возможности их синкретического слияния [15 с. 59]. Основой для их слияния могла служить древнейшая семантика коня всех индоариев как посредника между мирами и, соответственно, медиатора, способствующего переходу умершего в иной мир [16 с. 111].

Склеп № 24, в котором была найдена статуэтка скачущего всадника, использовался неоднократно на протяжении первых веков нашей эры. Невозможно точно определить, кому из погребенных здесь (не менее семи человек) она принадлежала. Однако вероятнее всего она сопутствовала погребению мужчины-воина, который, отправляясь на коне во владения верховного божества, должен был достичь бессмертия [13 с. 112].

На юго-западном некрополе Илуратского плато, в детской грунтовой могиле № 85, датирующейся второй половиной II — началом III в. н. э., in situ была обнаружена терракотовая погремушка-колыбель с перекатывающимися внутри глиняными шариками (рис. 1,2). Можно предположить, что погремушка, найденная в детском погребении, выполняла не только и скорее всего не столько роль игрушки-погремушки, сколько оберега: шум перекатывающихся шариков должен был отпугивать вредоносные силы, с которыми умерший ребенок (по заключениям антрополога ему было 2—3 года) мог встретиться в потустороннем мире. Однако и изображение младенца (Амура?) на верхней крышке погремушки, вероятно, неслучайно. Маленькие дети (и, соответственно, их

Рис. 1. 1 — статуэтка всадника, I—II вв. н. э.; 2 — погремушка, I—II вв. н. э.; 3 — фрагмент женской терракотовой статуэтки II—III вв. н. э.; 4 — протома богини I—II вв. н. э.

изображения) тоже могли выступать в качестве медиаторов — посредников между мирами [17 с. 6–64]. Возможно, и рельеф на погремушке должен был исполнять эту функцию и помочь погребенному младенцу достичь потустороннего мира.

Все остальные терракоты, найденные в погребальных сооружениях, представлены изображениями женских божеств. На южном скальном некрополе, там же, где была найдена терракотовая статуэтка в виде скачущего всадника, в камере катакомбы № 37, датирующейся II—III вв. н. э., была найдена средняя часть женской терракотовой статуэтки — торс с сохранившейся раздваивающейся на конце левой рукой. На груди у женщины изображена круглая выпуклая подвеска (рис. 1,3). В боспорской иконографии Великой богини растительного и животного начала — матери всего сущего, известно ее изображение с левой рукой, заканчивающейся древесными ветвями

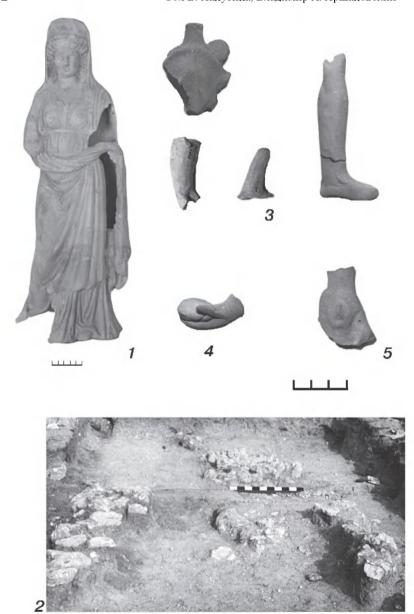
[18 с. 79–81. Рис. 76; с. 82–84. Рис. 77]. Если статуэтка из камеры катакомбы № 37 одна из ее ипостасей, то и она должна была содействовать возрождению погребенного в потустороннем мире.

Еще одна терракота, также изображающая женское божество, но совершенно иного типа, была найдена на юго-западном некрополе в камере монументального склепа № 225, сложенного из блоков и плит известняка. Время его сооружения – конец I – первая половина II в. н. э. Найденная терракота (протома богини, высотой 17 см) (рис. 1,4), по всей вероятности, синхронна его первоначальному использованию. В целом сохранность ее такова, что имеющиеся утраты (нижняя левая часть плеча и груди) можно считать случайными, не связанными с какими-либо преднамеренными (деструктивными) действиями, совершенными перед помещением в погребальную камеру склепа.

При всем несходстве женских терракотовых изображений из камеры катакомбы № 37 и камеры склепа № 225 можно предположить, что их функции в погребальном обряде были сходны, и те, кто их использовал, видели в них лишь разные ипостаси одной и той же Великой богини, обеспечивающей непрерывность всех природных циклов, и в том числе переход человека из одного мира в другой.

В отличие от терракот из могил или камер склепов, статуэтки, найденные на ритуальных площадках с тризнами или в дромосах (открытых входных коридорах) склепов и катакомб, судя по всему, были преднамеренно фрагментированы или изначально использованы в виде их отдельных частей. Наибольшей ценностью из этого ряда обладает статуя греческой богини, стоящей в полный рост (рис. 2,1), найденная на ритуальной площадке на грунтовом северо-восточном некрополе Илуратского плато. Она оказалась одной из самых больших (высота 62 см) в Северном Причерноморье. По близкой аналогии она может датироваться I в. до н. э. – I в. н. э. В отличие от преобладающих «варварских» терракот, найденных на Илуратском плато, эта статуя была исполнена в классической античной традиции. Однако атрибуты, позволившие бы узнать имя этой греческой богини, отсутствовали. Предложенные варианты – Афродита, Деметра, Фортуна [1 с. 18–20; 2 с. 255–257; 19 с. 243–244] нельзя считать окончательными. А сугубо варварский археологический контекст находки позволяет предположить, что для тех, кто ее использовал в поминальном обряде, и эта статуя была лишь одной из ипостасей многоликого Верховного женского божества.

Условия находки позволяли реконструировать ритуал, в котором она была использована. Установлено, что в ходе поминального обряда возле склепа № 52 терракотовая статуя была преднамеренно разбита на крупные куски на вымостке из камней

- Рис. 2. 1- статуя богини I в. до н. э. I в. н. э.; 2- вымостка из камней и щебня, на которой была найдена статуя богини; 3,4- фрагменты ритуальных статуэток II-III вв. н. э.; 5- голова протомы богини I-II вв. н. э.

и щебня (рис. 2,2). И сделано это было потому, что по представлению участников действия, только в таком *разбитом* состоянии она оказывалась изоморфна потустороннему миру, где обитало Верховное женское божество, которому жертва адресовалась.

Отчасти это наблюдение подтверждается тем, что и все остальные терракоты, найденные на ритуальных площадках и в дромосах погребальных сооружений, были фрагментированы. На том же северо-восточном некрополе Илуратского плато, на плошадке со следами многочисленных тризн возле склепа № 52. были найдены фрагменты ритуальных терракот: часть головы в характерном головном уборе с пятью выступами, рука, нога и фалл (рис. 2,3). Там же были найдены фрагменты другой ритуальной терракоты, изображающей служителей культа богини – жрецов или мистов с подвесными ногами и фаллами [подробнее см.: 20 с. 110-115; 21 с. 38-46; 22 с. 18-22]. Приношения в виде частей ритуальных терракот, как можно предположить, адресованы тому же Верховному женскому божеству. В этом случае также использованы только фрагменты терракот, причем отсутствует их туловище – средняя часть, а представлены они, возможно неслучайно, лишь головой и конечностями (рука, нога, фалл).

Один из фрагментов терракоты, изображающей сидящую богиню с лепешкой (или тимпаном) в руке, был найден в 1972 г. на южном участке в ходе раскопок ритуальной площадки (№ 23) со следами тризны. В толстом слое золы, оставшемся после большого погребального костра, среди многочисленных фрагментов керамики (преимущественно краснолаковых тарелок) и других предметов, была найдена глиняная кисть левой руки с лепешкой (рис. 2,4). К первым векам новой эры этот тип боспорских терракот – богиня на троне – теряет свою изначальную привязку к образу Кибелы. Даже целые терракоты, изображающие богинь, из-за отсутствия атрибутов в это время не могут быть названы по имени [3 с. 144]. В данном случае кисть с лепешкой или чашей, вероятно, следует рассматривать как вотивное подношение тому же Верховному божеству – Великой матери.

На северном некрополе Илуратского плато, над плитовой могилой № 53 была найдена терракотовая головка богини (Деметры?) (рис. 2,5), которая может рассматриваться как часть совершенной над могилой тризны, адресованной тому же Верховному женскому божеству.

Заключение

В ходе совершавшегося на некрополе погребального или поминального обряда все использованные вещи обретали свое значение и тем самым превращались в хранителей информации.

Основное содержание «текстов» некрополя порождено его статусом – границы между миром живых и миром мертвых, и функцией – правильного и необратимого перемещения покойного в потусторонний мир. Все вещи, использованные при совершении погребально-поминальных обрядов, так или иначе должны этому содействовать. Вероятно, одним из «гарантов» достижения цели в нашем случае являлась некая Великая богиня, культ которой получил распространение в античном Северном Причерноморье и Боспорском царстве.

Исследователи полагают, что этот образ, имеющий общие индоарийские корни, существовал и у греков, и у скифов, и у сарматов, а потому возник в новом синкретическом виде в религиозно-мифологических представлениях боспорян [20 с. 110–115; 23 с. 413–415], в том числе обитавших в Илурате [18 с. 79–84]. Семантический анализ терракот, найденных в погребально-поминальных комплексах Илуратского плато, подтверждает наличие здесь культа Великого женского божества.

Небезынтересно (и явно неслучайно) то, что в могилах и погребальных камерах обнаруживаются преимущественно целые терракоты, а в поминальных обрядах (тризнах) - намеренно фрагментированные. Возможно, это связано с тем, что пространство могилы и камера склепа изначально относятся к потустороннему миру и помещаемые туда вещи (за исключением бронзовых зеркал!) не требуют ритуального «умерщвления». Пространство тризны – переходное, находится между мирами, и потому используемые в этом обряде вещи должны быть разбиты, фрагментированы, т. е. изменить свое состояние для перехода/перевода в иной мир – мир богов, которым тризна адресована. Но это предположение, как и многие другие загадки текстов, заключенных в древних некрополях, требуют для их расшифровки и подтверждения как накопления новых археологических материалов и - если повезет – письменных источников, так и дальнейшего развития методики изучения знаковой сущности вещественных памятников и их интерпретации.

Литература

- 1. *Кубланов М.М., Хршановский В.А.* Некрополь Илурата. Раскопки 1984—1988 годов // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях: сб. научных трудов. Л.: ГМИР и А, 1989. С. 6-42.
- Горончаровский В.А. Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. С. 255–257.
- 3. *Молева Н.В.* Терракотовая статуэтка сидящей богини из Илурата // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 142–145.
- 4. *Ханутина З.В.* Терракотовая протома из Илурата // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: Материалы международного круглого стола. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 139–141.
- Ханутина З.В. Терракоты из погребально-поминальных комплексов Илуратского плато // Боспорский феномен: население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 219–228.
- 6. Антонова Е.В., Раевский Д.В. О знаковой сущности вещественных памятников и способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука, 1991. С. 207–232.
- 7. *Силантьева Л.Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников (САИ). М.: Наука, 1974. Вып. Г 1–11. Ч. III. С. 5–37.
- Кобылина М.М. Мастерские пантикапейских коропластов // Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников (САИ). М.: Наука, 1974. Вып. Г 1–11. Ч. III. С. 47–53.
- 9. Денисова В.И. Коропластика Боспора, Л.: Наука, 1981. 171 с.
- Петерс Б.Г. Терракоты из городища Михайловка // Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников (САИ). М.: Наука. 1970. Вып. Г 1–11. Ч. II. С. 112–114.
- Пругло В.И. Терракотовые статуи всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 177–182.
- Хо∂за Е.Н. Греческие терракоты из собрания Генриха Шлимана в Эрмитаже // Шлиман. Петербург. Троя. Каталог выставки. СПб.: Славия, 1998. С. 72–79.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.
- Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. III в. н. э. Каталог выставки. Л.: Государственный Эрмитаж, 1990. 128 с.
- Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // Краткие сообщения Института археологии. № 191: Памятники античной археологии. М.: Наука, 1987. С. 57–59.
- Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы.
 Киев: Наукова думка, 1977. С. 97–112.
- 17. *Тульпе И.А.* Мифология. Искусство. Религия. СПб.: Наука, 2012. 320 с.

- Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953. М.;
 Л.: Издательство Академии Наук, 1958. (Материалы и исследования по археологии СССР № 85. С. 9–148)
- Хршановский В.А. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам археологических раскопок Илурата и Китея) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 241–252.
- Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II— III вв. н. э. // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 110–115.
- Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников (САИ). М.: Наука. 1974. Вып. Г 1–11. Ч. III. С. 38–46.
- Сазанов А.В. Происхождение одной группы ритуальных терракот // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 182: Памятники античной археологии. М.: Наука, 1985. С. 18–23.
- Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: СПбГУ., 2007. 484 с.

References

- Kublanov MM., Khrshanovskii VA. The Ilouraton Necropolis. Excavations in 1984–1988. V: Issues of religious studies and atheism in museums. Coll. scientific works. Leningrad: GMIR I A Publ.; 1989. p. 6-42. (In Russ.)
- Goroncharovskii VA. Terracotta statue of a female Deity from the Ilouraton Necropolis: Aphrodite or Fortune. V: ΣΥΣΣΙΤΙΑ. In memory of Yuri Viktorovich Andreev. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.; 2000. p. 255-57. (In Russ.)
- Moleva NV. Terracotta statuette of a sitting Goddess from Ioluraton. V: Bosporus and the North Pontic region in Classical Antiquity. Proceedings of the International al Scientific Conferece. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2008. p. 142-45. (In Russ.)
- 4. Hanutina ZV. Terracotta Protome from Ilouraton V: Bosporus and the North Pontic region in Classical Antiquity. Proceedings of the International Scientific Conferece. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2008. p. 139-41. (In Russ.)
- Hanutina ZV. Terracotta figurines from Burial and memorial complexes. V: Bosporus phenomenon. population, languages, contacts. Proceedings of the International Scientific Conferece. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2011. C. 219-28. (In Russ.)
- Antonova EV., Raevskii DS. On the iconic essence of material antiques, and methods of its interpretation. V: Interpretation issues of cultural monuments of the Orient. Moscow; Nauka Publ.; 1991, p. 207-32. (In Russ.)
- 7. Silant'eva LF. Terracotta figurines from Pantikapaion. V: Terracotta Figurines from the North Pontic region. Code of archaeological sources (CAS). Moscow: Nauka Publ.; 1974. Vol. G 1–11. T. III. p. 5–37. (In Russ.)

- 8. Kobylina MM. Workshops of Pantikapaion Coroplasts. V: Terracotta Figurines from the North Pontic region. Code of archaeological sources (CAS). Moscow: Nauka Publ.; 1974. Vol. G 1–11. T. III. p. 47–53. (In Russ.)
- Denisova VI. Coroplastics in Bosporus. Leningrad: Nauka Publ.; 1981. 171 p. (In Russ.)
- Peters BG. Terracotta Figurines from the Mikhailovka settlement V: Terracotta Figurines from the North Pontic region. Code of archaeological sources (CAS). Moscow: Nauka Publ.; 1970. Vol. G 1–11. T. II. p. 112-14. (In Russ.)
- 11. Pruglo VI. Terracotta statues of riders in Bosporus. V: History and culture of the ancient world. Moscow: Nauka Publ.; 1977. p. 177-82. (In Russ.)
- Hodza EN. Greek Terracotta figurines from the Heinrich Schliemann collection at the Hermitage. V: Schliemann. Petersburg. Troy. Exhibition Catalogue. Saint Petersburg: Slavia Publ.; 1998. p. 72-9. (In Russ.)
- Bessonova SS. Religious ideas of Scythians. Kiev: Naukova dumka Publ.; 1983.
 138 p. (In Russ.)
- Davydova LI. Bosporan sepulchral reliefs. 5th century BC 3rd century AD. Exhibition catalogue. Leningrad: The State Hermitage Museum Publ.; 1990. 128 p. (In Russ.)
- 15. Krykin SM. New Terracotta figurines of riders from Fanagoreia. V: Brief reports of the Institute of Archeology, № 191. Monuments of ancient archeology. Moscow: Nauka Publ.; 1987. p. 57-9. (In Russ.)
- 16. Kuz'mina EE. Steed in religion and art of Sakai and Scythians. V: Scythians and Sarmatians, Kiev: Naukova dumka Publ.; 1977. p. 97–112. (In Russ.)
- Tul'pe IA. Mythology. Fine Arts. Religion. Saint Petersburg: Nauka Publ.; 2012.
 320 p. (In Russ.)
- 18. Gaidukevich VF. Ilouraton. Results of archaeological studies in 1948–1953. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk Publ.; 1958. (Materials and research on archeology USSR, Vol. 85, p. 9-148). (In Russ.)
- 19. Khrshanovskii VA. Sacrifice in the burial and memorial rituals in European Bosporus of 2nd century BC 4th century AD. A study based on archaeological excavations at Ilouraton and Kytaia. V: Sacrifice. Ritual in art and culture from antiquity to the present day. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.; 2000. p. 241-52. (In Russ.)
- Kruglikova IT. On the cult of the Supreme Female Deity in Bosporus in 2nd-3rd centuries AD. V: Culture of the ancient world. Moscow: Nauka Publ.; 1966. p. 110-15. (In Russ.)
- 21. Marchenko ID. Puppets and sacred statuettes from Pantikapaion. V: Terracotta figurines from the North Pontic region. Code of archaeological sources (CAS). Moscow: Nauka Publ.; 1974. Vol. G 1–11. T. III. p. 38–46. (In Russ.)
- 22. Sazanov AV. The origins of a group of ritual Terracotta figurines. V: Brief reports of the Institute of Archeology, № 182. Monuments of ancient archeology. Moscow: Nauka Publ.; 1985. p. 18-23. (In Russ.)
- 23. Shaub IJu. Myth, cult, and ritual in the North Pontic region. 7th – 4th centuries BC. Saint Petersburg: SPbGU Publ.; 2007. 484 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Зоя В. Ханутина, старший научный сотрудник, ФГУК Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург, Россия; 190000, Россия, Санкт-Петербург, Почтамтская ул., д. 14; zoe gmir@inbox.ru

Владимир А. Хршановский, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, Москва, Россия; 117036, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; vax48@mail.ru

Information about the authors

Zoya V. Khanutina, senior researcher, State Museum of the History of Religion, Saint-Petersburg, Russia; bld. 14, Pochtamtskaya str., Saint-Petersburg, 190000, Russia; zoe gmir@inbox.ru

Vladimir. A. Khrshanovskii, PhD in Philosophy, researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 19, Dm. Ul'yanova str., Moscow, 117036, Russia; vax48@mail.ru